

НА КЛАДБИЩЕ Квинса было похоронено около трех миллионов человек – больше, чем проживало во всем районе. Здесь, среди длинных рядов надгробий, крестов, обелисков и склепов, все были равны – спортсмены, артисты, полицейские, военные, преступники, писатели, политики и прочие...

Но для Питера Паркера вовсе не все погребенные на этом кладбище были равны.

Здесь был похоронен дядя Бен. В его гибели Питер винил себя так давно, память об этом так износилась, что и сам дядя Бен мог бы сказать: «Хватит! Откуда тебе было знать?»

Но ответ Питера – «Должен был знать!» – оставался все тем же, что и раньше.

Он стоял перед могилой капитана Стейси. Капитан погиб, спасая из-под падающих обломков ребенка – мальчика, которого прежде никогда даже не видел. В сравнении с его самопожертвованием чувство вины, терзавшее Питера, казалось просто ничтожным...

Но лишь до тех пор, пока он не подошел к могиле Гвен. Вот тут чувство вины – ничтожное ли, нет ли – мигом сравнялось с болью утраты.

«Я должен был. Я должен был знать».

Но тогда он даже не думал ни о чем подобном. Он был так занят спасением мира, так погружен в собственные заботы, что не замечал очевидного – например, новых усов Гарри, не говоря уж о том, сколько таблеток принимает его сосед и как быстро эта привычка превращается в настоящую зависимость.

Конечно, это Питер отволок Гарри в больницу и спас от передоза, но – а потом-то что? Решил, что Гарри усвоил урок, и успокоился на этом. И вдруг – звонок от Гвен: у Гарри снова передоз и психотический срыв... Для Питера это оказалось полной неожиданностью, и Гвен назвала его наивным.

«Смешно... Последние слова, сказанные мне Гвен, были о Гарри: „Всю жизнь он получал все, чего бы ни захотел. Что же такого могло с ним случиться? Отчего он мог так... так отчаяться?“».

Вспомнился остекленевший взгляд Нормана Осборна, обвинявшего Питера в том, что его сын так опустился. Вот тут дело было не только в чувстве вины. Это значило, что единственный злодей, который знает тайну личности Человека-Паука, может вновь обрести память.

«Я должен был знать».

Но, опять же, откуда он мог знать, что Осборн снова превратится в Зеленого Гоблина, похитит Гвен и утащит ее на вершину башни Бруклинского моста? Зная, что она – девушка Питера, он дождался появления Человека-Паука, и... сбросил ее вниз.

Смерть капитана Стейси свидетельствовала: на свете есть вещи, которыми никто не может управлять. Но образ Гвен, падающей с огромной высоты, изгибающейся и кувыркающейся в воздухе, будто тряпичная кукла, возникал в памяти снова и снова.

Конечно, он прыгнул за ней! За ней он прыгнул бы в самое пекло. Но даже Человек-Паук не может одолеть закон всемирного тяготения. Он выстрелил паутиной – и успел захлестнуть ее лодыжку за миг до удара об одну из бетонных опор. Он поспешил отнести ее в безопасное место и какое-то время – почти целую минуту – считал, что с ней все в порядке.

Но это было не так. Она была мертва.

Когда оцепенение прошло и слезы полились свободнее, его начали мучить вопросы. Если бы он извернулся не так, а вот так, если бы прыгнул чуть быстрее, то смог бы спасти ее? А если бы был рядом с ней весь день? Если бы был внимательнее к Гарри? Если бы вообще никогда не был бы Человеком-Пауком? Если бы сделал то, и не сделал бы этого?

«Если бы я знал...»

- Хватит же! Откуда тебе было знать?

«И все же я должен был знать...»

Эти мысли едва не свели его с ума. Но в конце концов пришлось признать: да, теперь, после того, как дело сделано, ясно видно, что он мог бы сделать много разного, большого и малого – однако было поздно. Неизвестно, стал ли он взрослее, признав все это, но в процессе определенно почувствовал себя старше.

Был прекрасный весенний вечер. Но, несмотря на ясную погоду, Питер не стал возвращаться в Виллидж по крышам, а сел в метро, чтобы подольше побыть одному и не мешать Гарри. Он очень хотел быть внимательнее к своему другу и соседу на случай, если тот опять сорвется, и определенно не желал добавлять к проблемам Гарри еще и собственное мрачное настроение. Прежде, чем войти домой, Питер остановился, выдохнул и убрал грусть с лица.

В квартире было темно – горела только маленькая лампочка на захламленном кухонном столе. Гарри сидел в полумраке, сгорбившись над пачкой деловых бумаг, с которыми после смерти отца приходилось разбираться ему.

Питер помахал рукой:

- Привет, сосед!

Гарри даже не взглянул на него.

- А, Питер...

Питер кинул куртку на вешалку.

- Не хочешь проветриться, съесть пиццу?

- Не сегодня.

Собрав контракты в охапку, Гарри ушел к себе и хлопнул дверью.

Резкость Гарри не удивила Питера. Все попытки сблизиться с ним застревали в еще одной паутине лжи и совпадений. Ничего не зная о безумном альтер-эго Нормана, Гарри винил Человека-Паука в убийстве отца. Питер же делал вид, будто работает на пару со стенолазом и снимает его подвиги, поэтому Гарри злился и на него – за компанию.

В кои-то веки Питер был уверен, что в этом случае правда только повредит. Нет, в глубине души он действительно хотел убить Гоблина, однако так вышло само – обстоятельства просто не оставили ему выбора. Доведенный до отчаяния и измученный, Озборн направил дистанционно управляемый глайдер на полной скорости в спину Человеку-Пауку, надеясь расплющить его. Но в последний момент паучье чутье предупредило Питера об опасности, он

прыгнул - и реактивный аппарат врезался Гоблину в грудь.

Питер до сих пор отчетливо помнил грохот глайдера, врезавшегося в бетон после того, как Норман Озборн упал...

Уйдя к себе, он оставил дверь в комнату открытой - на случай, если Гарри вернется и захочет поговорить.

Несмотря на все жизненные перемены, комната Питера выглядела почти так же, как и в день переезда к Гарри. Сколько всего в жизни течет своим чередом, как будто по инерции...

Он стал штатным фотографом «Бьюгл», но до сих пор с трудом оплачивал счета. Он все еще пытался окончить ГУЭ, но его студенческая карьера была на грани краха. Занятий было так много, что даже самый блестящий студент мог на чем-нибудь срезаться. А Питер из-за множества пропусков и не сданных вовремя работ уже дважды завалил углубленный курс экспериментальной физики, и помешанный на пунктуальности профессор Блэнтон дал ему самый-самый-самый распоследний шанс.

На самом деле учеба вовсе не волновала бы Питера, если б не тетя Мэй. Да, они нечасто говорили о своем общем горе, однако он знал, что смерть Гвен нанесла ей такой же удар, как ему самому. Она относилась к Гвен как к дочери, считала ее будущей матерью своих внуков, и теперь, когда Гвен не стало, Питер еще острее чувствовал, что обязан окончить университет, реализовать свой потенциал - хотя бы для того, чтобы единственная родная душа на всем белом свете могла гордиться им.

Какая разница, сколько жизней спас Человек-Паук? Если он разобьет нежное любящее сердце этой женщины, он никогда больше не сможет даже взглянуть на себя в зеркало.

Раз так, следовало корпеть над книгами - чем он и занимался, пока его не сморил сон. По крайней мере, он спал спокойно, крепко, без сновидений.

Через какое-то время его разбудил звонок. Поверх лица лежал тяжелый учебник, смятая страница прилипла к губе. Пытаясь не уронить продажную цену дорогостоящего тома, он осторожно отлепил ее и ответил на вызов.

- Питер Паркер?

Не узнавая голоса, он предположил самое очевидное:

- Что бы вы там ни продавали, мне не...

- Вы - племянник Мэй Паркер?

Питер сел и взглянул на часы. Полночь... Для телефонных продаж поздновато.

- Да?

- Говорит доктор Амелия Фент. Вашу тетю доставили в Пресвитерианский госпиталь в связи с ухудшением состояния. Она...

- С каким ухудшением? Что произошло?

- Она потеряла сознание, и ее подруга Анна привезла ее к нам. Я только что получила результаты анализа крови - печень функционирует далеко не так, как хотелось бы. Учитывая

историю болезни...

Доктор говорила спокойно и ясно, но чем дальше, тем меньше он понимал.

- Болезни? Какой болезни? И где доктор Бромвелл, ее лечащий врач?

- Он уже едет. Пока что ее состояние стабильно...

- Пока что?

- Сейчас непосредственной опасности для жизни нет. Но было бы лучше, если бы вы приехали. Доктор Бромвелл вам все объяснит.

* * *

СИДЯ в самой просторной отдельной палате нового отделения, построенного на ее пожертвования, Ванесса Фиск наблюдала, как вздымается и опадает грудь мужа. Как и почти все вокруг, аппарат искусственного дыхания не был рассчитан на таких больших людей - чтобы обеспечить его легкие кислородом, давление пришлось увеличить втрое. Уилсон дышал мощно, но спокойно - так не похоже на быстрые, резкие вдохи-выдохи, к которым она привыкла... Огонь, то и дело превращавший его в полузверя, угас.

Врачи сказали, что если с ним говорить, он может ее услышать, но она не могла заставить себя вымолвить хоть слово. Даже взяв его за руку, она ощущала только боль: ее муж, Уилсон Фиск был вовсе не здесь, несмотря на доказательство обратного в виде его тела на кровати.

«Будь ты жив, я бы тебя любила. Будь ты мертв, я бы оплакивала тебя...»

Обычно помогали антидепрессанты. Иногда она обнаруживала, что напевает себе под нос, бродя в одиночестве по их дому на побережье Лонг-Айленда. Но стоило приехать сюда - и ей тут же начинало казаться, будто та же бездна, что поглотила Уилсона, вот-вот доберется и до нее, заявит и на нее свои права.

Последний «эксперт», осматривавший мужа, был еще моложе предыдущего. Держался он с профессиональной вежливостью, но его неискушенные глаза почти не выражали сочувствия, точно он решал кроссворд, а не спасал человеческую жизнь. Возможно, так оно и было. Ванесса наняла его ради его квалификации, а не доброй души.

- Даже в худших случаях кататонии к аппарату искусственного дыхания обычно не прибегают, но его дыхание замедлилось до критического уровня, и у нас не осталось выбора.

- Два года... Два года, и ни один из докторов даже не представляет себе, чем ему можно помочь.

- Признаться, я тоже в растерянности. Причиной комы могла бы послужить черепно-мозговая травма, но никаких признаков травмы нет. К кататонии могут привести также психические расстройства, но на бензодиазепины и другие психоактивные препараты он не реагирует. Я пробовал леводопу - на случай летаргического энцефалита, не показанного анализами, но ничего не помогает. Остается только электросудорожная терапия.

При этой мысли Ванесса поморщилась.

- Я знаю, электрошок сейчас применяется гораздо осторожнее, чем раньше, но... Вы

полагаете, это поможет?

- Понятия не имею. В данной ситуации я бы сказал: не повредит.

Ей захотелось наградить его уничтожающим взглядом, но не хватило сил.

- То же самое можно сказать о курином бульоне.

- Вы говорили, что он пережил сильное эмоциональное потрясение, но не объясняли, что именно случилось.

- А это зачем? Это наше семейное дело.

- Как знать? Я не представляю, что еще можно попробовать.

- Вы знаете, что пишут в газетах о моем муже? Вы понимаете, почему я назначила консультации на такой поздний час?

Доктор кивнул.

- А если я скажу, что информация о случившемся с ним может подвергнуть некоторых людей опасности?

Его внезапный испуг был почти осязаем.

- В таком случае, лучше не говорите.

Конечно, доктор подумал о себе, но Ванесса имела в виду сына. Виня себя в случившемся с отцом несчастье, Ричард покинул страну. Да, она потеряла и сына, но, вероятно, это было к лучшему. Многие остались верны если не Кингпину, то организации, оставленной им в руинах. Какой-нибудь корыстный новичок, желающий поскорее сделать себе имя, без колебаний выследил бы Ричарда и отомстил...

- Могу сказать, что я присутствовала при этом, и видела, как вырвали сердце из груди великого человека, чье неистовство в гневе уступало только его неистовству в любви – пугавшему даже его самого. И все это оборвалось в одно мгновение, как будто он просто потерял волю к жизни.

Эксперт пожал плечами.

- Миссис Фиск, хотелось бы мне сказать вам что-нибудь более определенное, но эта метафора ничуть не хуже любого диагноза, который я мог бы предложить. Так вы не хотите попробовать электросудорожную терапию?

Ванесса положила руку на вздымавшуюся грудь мужа, надеясь, что биение сердца убедит ее в том, что он все еще здесь. Тщетно.

- Я подумаю об этом.

- Конечно. Время есть: он, э-э... никуда от нас не денется.

На этот раз она все же подняла голову, чтобы обжечь его гневным взглядом, но громкий, раздражающий визг подошв по полу заставил ее повернуться к двери.

По их частному коридору бежал довольно симпатичный молодой человек - встревоженный, бледный. Он вряд ли представлял собой угрозу, но, не обладая безошибочным чутьем мужа, Ванесса не могла быть уверена в этом. Однако немедленно появившийся охранник успокоил ее:

- Простите, миссис Фиск, этот парень, видимо, не туда свернул. Мы его выведем.

- Будьте с ним помягче. Похоже, ему хватает собственных бед.

* * *

ПОГОВОРИВ с седым усатым доктором Бромвеллом в холле, Питер был так ошеломлен, что дважды свернул не туда, прежде чем нашел тетушку. Вторая кровать в серой двухместной палате пустовала, но сиделка сказала, что в любой момент у нее может появиться соседка.

Кровать тети Мэй стояла у окна, возле радиатора. Изголовье матраса было приподнято, и тетя полулежала в постели. На подоткнутом под нее одеяле не было ни единой складки, словно она ни разу не шевельнулась с тех пор, как ее привезли.

Бромвелл предупреждал, что из-за повышенного уровня билирубина у нее изменилась внешность, но Питер и не представлял себе, насколько, пока не подошел поближе. В свете жужжащих флуоресцентных ламп все казалось слегка зеленоватым, но кожа тети Мэй была странно желтой, будто картинка в телевизоре со сбитой настройкой цветов.

Сглотнув, Питер присел на краешек кровати и положил руку на ее хрупкое плечо. Тетя подняла веки. Увидев желтизну даже в ее глазах, он подавил вскрик. К счастью, взгляд тети Мэй еще оставался сонным; когда она окончательно проснулась и узнала племянника, Питер успел взять себя в руки.

- Питер!

- Больная печень? Тетя Мэй, отчего ты молчала?

В ответ она поджала губы, будто в ее секрете не было ничего особенного - совсем как в тот день, когда она продала часть своих украшений, чтобы купить ему новый микроскоп.

- Эти глупые доктора уверяли, что до этого еще много лет. После всего, что ты пережил... У меня просто не хватило духу.

Слабо улыбнувшись, она взяла его руку. Ее тонкие сухие пальцы оказались холодными как лед, и Питер растирал их, пока они не согрелись.

- Как я могу помочь тебе, не зная, что происходит?

В ответ тетя закатила глаза.

- Молодой человек, то же самое я говорила тебе многие годы. В половине случаев я и понятия не имела, что у тебя на уме.

- Прости, тетя Мэй, я...

Она ущипнула его за щеку.

- Ч-шшш. Что сделано, то сделано. Если хочешь знать, как лучше всего мне помочь, я скажу

так: помоги сначала себе. Не грусти. Учись. Работай.

- Но, тетя Мэй...

Ни Питер, ни тетя Мэй не замечали доктора Бромвелла, стоявшего в дверях, пока он не заговорил:

- Питер, на пару слов.

- Сейчас, - он повернулся к тете. - Так и лежи, хорошо? Никакой акробатики.

Она подняла брови.

- А я как раз собиралась на урок силового фитнеса.

Питер хихикнул, надеясь, что это звучит естественно.

- Гляньте-ка, кто в кои-то веки шутит. Ведь это хороший знак, правда, док?

- Безусловно, - доктор Бромвелл не засмеялся, но удовлетворенно кивнул. - Будь добр, выйди.

Совсем как в десятках мелодрам и мыльных опер, Питер вышел в коридор и прислонился к стене, а доктор встал перед ним, склонил голову и зашептал:

- Работа ее печени ухудшается уже много лет. Если станет еще хуже, потребуется пересадка. Операция несложная, но в ее возрасте любое хирургическое вмешательство - это большой риск, поэтому в очереди ожидающих донора она будет далеко не первой. С другой стороны, если ее родственник предоставит свою ткань, мы можем сделать операцию немедленно, как только она достаточно окрепнет. Возможно, уже на следующей неделе. Я знаю, что вы не кровные родственники, но, судя по твоей медкарте, ты подойдешь. Если ты согласен, мне хотелось бы сделать кое-какие анализы. Можем приступить прямо с утра.

Слушая доктора, Питер кивал.

- Конечно, конечно.

Но, стоило доктору объяснить, что такое биопсия, Питер тут же осознал весь ужас сложившегося положения.

«Моя кровь радиоактивна, ДНК изменена... Пересадка моих тканей может убить ее!»

Челюсть его отвисла. Прекратив кивать, он отрицательно покачал головой.

- Нет, нет, простите, я должен... Мне надо подумать над этим.

Если Бромвелл и удивился, он был достаточно опытен, чтобы не показать этого.

- Естественно. Сегодня ты уже пережил потрясение, а это решение не пустяковое. Подумай, прочти внимательно эту брошюру. Но не забывай: скорее всего, функции ее печени будут ухудшаться и дальше. Время не ждет.

Доктор продолжал объяснения, но у Питера голова шла кругом. Наконец он поблагодарил доктора, нетвердыми шагами прошел в приемную и тупо уставился в брошюру с описанием операции. Но в тот же миг в приемную ворвалась Анна Уотсон. Глаза ее покраснели от слез.

Взмахнув букетом цветов, как дубиной, она ударила Питера по плечу. Лепестки так и брызнули в стороны.

- Значит, тебе нужно подумать?!

Он поднял руку, защищаясь от следующего удара, но главным оружием Анны было отвращение и боль в голосе. Вот это ранило куда сильнее.

- Я все слышала, ты, себялюбивый трус! Ты собираешься просто дать ей умереть? Эта женщина сделала для тебя все, посвятила тебе всю жизнь, а ты собираешься позволить ей умереть?

И Питер, конечно, снова не мог ничего объяснить.

<http://tl.rulate.ru/book/25490/531842>